

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ,

из которой вы узнаете о том, как Сунь У-кун получил пилюлю бессмертия и как был возвращен к жизни правитель, погибший три года назад

Заклинание, которое стал читать Трипитака, произвело свое действие, и у бедного Сунь У-куна голова раскалывалась от боли. Не в силах вынести мучений, он взмолился.

— Учитель! Смилуйтесь! Я сделаю все, чтобы вернуть императора к жизни!

— Что же ты думаешь делать? — поинтересовался Трипитака.

— Необходимо обратиться в Царство смерти и попросить владыку ада Янь-вана вернуть душу императора, иначе оживить его невозможно, — отвечал Сунь У-кун.

— Не верьте ему, учитель, — вмешался в разговор Чжу Ба-цзе. — Раньше он и не думал говорить об этом, а обещал сделать все здесь.

Трипитака и на этот раз поверил Чжу Ба-цзе и снова начал читать заклинание. Тут Сунь У-кун, отчаявшись, поспешил отказаться от своего намерения.

— Ладно, я не буду обращаться к Янь-вану и верну императора к жизни без его помощи.

— Не слушайте его, учитель, и продолжайте читать заклинание! — подливал масла в огонь Чжу Ба-цзе.

— Ах ты подлая тварь! — не вытерпел Сунь У-кун. — Так это ты настраиваешь учителя против меня!

— А ты что думал, дорогой братец! — крикнул, катаясь по земле от смеха, Чжу Ба-цзе. — Думал, только ты можешь подшучивать надо мной, а я над тобой не могу?

— Учитель! — стонал Сунь У-кун. — Пощадите! Я все сделаю!

— Как же все-таки ты его оживишь? — снова спросил Трипитака.

— Я отправлюсь на облаке к Южным воротам неба и там, минуя дворец Северной звезды и зал Священного небосвода, проследую прямо за тридцать третье небо во дворец Тушита, где живет великий бессмертный Лао-цзюнь. У него я попрошу пилюлю бессмертия и при помощи ее верну императора к жизни.

— Ну, тогда отправляйся живее! — обрадованно сказал Трипитака.

— Сейчас уже третья ночная стража, — произнес Сунь У-кун. — Пока я вернусь, совсем рассветет. Однако нельзя, чтобы тело императора оставалось без всяких почестей. Хорошо было бы найти хоть плакальщика.

— Не болтай глупостей, — рассердился Чжу Ба-цзе. — Эта обезьяна наметила в плакальщики, конечно, меня.

— А ты собираешься схитрить? — съехидничал Сунь У-кун, — так знай, что если ты не будешь плакать, я не смогу оживить императора.

— Отправляйся, брат, по своим делам, а я уж как-нибудь без тебя обойдусь, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Но ведь оплакивать можно разными способами, — продолжал Сунь У-кун. — Можно просто кричать — это называется голосить. Можно пустить слезу. Но по-настоящему нужно причитать и плакать так, чтобы за душу взяло!

— Ну-ка я попробую! — сказал Чжу Ба-цзе.

Тут он достал откуда-то клочок бумаги, скрутил трубочки, воткнул себе в нос и стал громко чихать. Наконец глаза его увлажнились слезами, которые текли безостановочно. В то же время он монотонным голосом причитал, говорил о счастье, которое было, и о постигшем несчастье. Он плакал до того прочувствованно и жалобно, что у Трипитаки даже защемило сердце и показались на глазах слезы.

— Вот это настоящий надгробный плач! — улыбаясь, сказал Сунь У-кун. — Но смотри не останавливайся. Как только ты прекратишь плач, я тотчас же узнаю об этом и всыплю тебе мерзавец, двадцать ударов своим посохом.

— Иди, иди, — смеясь, сказал Чжу Ба-цзе. — Я могу плакать хоть два дня подряд.

Ша-сэн слушал, слушал, затем пошел отыскать несколько ароматных свечей и, вернувшись, зажег их.

— Ну, вот и чудесно! — смеясь, сказал Сунь У-кун. — Каждый из нас проявил почтительность и уважение. Теперь мне будет легче выполнить свою задачу.

Наступила полночь. И вот наш чудесный Мудрец распростился с учителем и своими братьями и взмыл в облака. В один миг он очутился у Южных ворот неба и, минуя зал Священного небосвода и дворец Северной звезды, проследовал прямо на тридцать третье небо, во дворец Тушита, туда, где неведома печаль. Великий Лао-цзюнь сидел посреди своей чудесной

мастерской, где изготовлялся эликсир жизни. Слуги, размахивая банановыми веерами, раздували огонь в очаге.

Завидев Сунь У-куна, Лао-цзюнь предупредил слуг:

— Будьте осторожны! Разбойник, похитивший эликсир бессмертия, снова явился сюда!

— Почтенный господин, — молвил Сунь У-кун, приветствуя Лао-цзюня, — не следует так обижать человека. Зачем остерегаться меня? Теперь я уж ничего подобного себе не позволяю.

Но Лао-цзюнь не унимался.

— Ты, негодяй, — продолжал он ворчать. — Пятьсот лет назад ты учинил в небесных чертогах буйство, украл у меня почти весь эликсир бессмертия и лишь потом был пойман бессмертным Эр-ланом, который доставил тебя в мою мастерскую на сорок девять дней. Сколько угля я потратил, чтобы переплавить тебя! Потом тебе посчастливилось освободиться; ты принял буддизм и теперь сопровождаешь Танского монаха в Индию. А помнишь на горе Пиндиншань, когда ты дрался с волшебником? Ты ни за что не хотел возвращать мне мои талисманы. Зачем же ты сейчас пожаловал сюда?

— Ну, ваши талисманы я тогда, на горе Пиндиншань, вернул вам сразу же. Почему же вы ругаетесь и продолжаете в чем-то подозревать меня?

— Отчего ты не пришел обычным путем, а проник в мой дворец тайком? — спросил Лао-цзюнь.

— После того как мы с вами расстались, — начал рассказывать Сунь У-кун, — мы пришли в страну Уцзиги, на западе. Правитель этой страны был обманут волшебником, который явился к нему под видом даоса, а затем поднял ураган и погубил самого правителя. После этого волшебник превратился в точную копию правителя и занял трон. И вот вчера ночью, когда наш учитель читал священные книги в монастыре Бао-линь, душа погибшего правителя явилась к нему и попросила, чтобы я помог восстановить справедливость и уничтожил волшебника. Однако доказать, что волшебник совершил преступление, я не мог; поэтому мы с Чжу Ба-цзе ночью проникли в императорский сад, взломали ворота и нашли тело императора, которое находилось в хрустальном колодце и осталось целым и невредимым. Мы доставили его в монастырь. И когда наш учитель увидел покойника, он проявил к нему сострадание и велел мне любым способом вернуть его к жизни. Однако спуститься в царство мрака и разыскать там душу императора он не разрешил. В общем, я не знаю, как вернуть императора к жизни, и вот пришел сейчас к вам за советом. Умоляю, пожалейте меня, дайте тысячу пилюль бессмертия.

— Что за вздор! — возмутился Лао-цзюнь. — Дать ему тысячу пилюль бессмертия! Да что это, какая-нибудь каша, что ли? Не из земли же они делаются?!

Лао-цзюнь даже плюнул с досады и закричал:

— Убирайся вон! Ничего у меня нет!

— Ну, тогда дайте хоть сто пилюль! — примирительным тоном произнес Сунь У-кун.

— И ста у меня нет, — отрезал Лао-цзюнь.

— Ладно, я согласен на десяток, — продолжал Сунь У-кун.

— Ну что за надоедливая обезьяна! — вышел из себя Лао-цзюнь. — Ничего у меня нет, понимаешь, ничего! Уходи ты отсюда, прошу тебя!

— Что же, — улыбаясь, сказал Сунь У-кун, — раз у вас действительно нет пилюль, мне придется поискать их в другом месте. Ведь надо мне вернуться к жизни императора.

— Уходи, уходи! — крикнул Лао-цзюнь.

Сунь У-кун ушел. Между тем Лао-цзюнь задумался.

«Почему Сунь У-кун так спокойно отнесся к моему отказу? — размышлял он. — Что-то подозрительно. Уж не задумал ли он пробраться ко мне и стащить пилюли», — и он тут же приказал слугам вернуть Сунь У-куна.

— Ну, вот что, — сказал Лао-цзюнь. — Не нравится мне твое поведение, — что-то ты, видно, замыслил. Так и быть, дам я тебе одну пилюлю.

— Почтенный учитель, — отвечал на это Сунь У-кун. — Вы знаете мои способности. Давайте сюда ваши пилюли, да поживее. Мы их поделим. Четыре части моих, а шесть ваших. Скажите спасибо, что счастливо отделались. Ведь я мог пустить в ход волшебство, и все пилюли мигом очутились бы у меня.

Тогда Лао-цзюнь взял тыкву-горлянку, перевернул ее вверх дном, и из нее выпала пилюля, которую он и отдал Сунь У-куну.

— Вот все, что у меня есть, — сказал Лао-цзюнь. — Бери и уходи! Ее вполне достаточно, чтобы вернуть к жизни императора. Тебе это зачтется как заслуга, помни!

— Погодите, — сказал Сунь У-кун, беря пилюлю. — Я сначала попробую ее. Может быть, она не настоящая.

И он положил пилюлю в рот. Лао-цзюнь так разволновался, что бросился к нему и схватил его за руку. Затем он стал хватать его за голову и браниться.

— Вот гнусная обезьяна! Если только ты проглотишь пилюлю, я убью тебя на месте.

— Ну и рожа! — рассмеялся Сунь У-кун. — Как будто ты самого низкого происхождения! Да кому нужна твоя пилюля? Подумаешь, драгоценность! Шуму много, а толку мало. Вот она, твоя пилюля!

А надо вам сказать, что у Сунь У-куна под подбородком был зуб, в который он и положил пилюлю.

— Убирайся отсюда! Уходи сейчас же! — крикнул Лао-цзюнь, ущипнув Сунь У-куна. — И не являйся больше!

Наконец Великий Мудрец поблагодарил Лао-цзюня и покинул дворец Тушита. На радужных облаках он вылетел из яшмовых чертогов, в одно мгновение миновал Южные ворота неба, и, когда возвратился в монастырь, солнце уже поднялось над звездами. Наконец он спустился к самым воротам монастыря и услышал причитания Чжу Ба-цзе.

— Учитель! — позвал Сунь У-кун.

— Сунь У-кун вернулся! — радостно воскликнул Трипитака — Ну как, достал пилюлю?

— Конечно, — отвечал тот.

— Уж кто-кто, а он достанет, — вставил свое слово Чжу Ба-цзе. — Видимо, украл у кого-нибудь.

— Ну-ка, убирайся отсюда, — сказал Сунь У-кун. — Ты мне больше не нужен. Утри слезы и иди поплачь в другом месте.

А ты, — обратился он к Ша-сэну, — принеси немного воды.

Ша-сэн побежал к колодцу, который находился на заднем дворе, достал полбадьи воды и принес. Сунь У-кун вынул изо рта пилюлю, положил ее между губами императора, затем приоткрыл ему рот и влил глоток воды. Примерно через час в животе у императора послышалось какое-то бульканье. Однако тело его оставалось неподвижным.

— Ну вот, учитель, — сказал Сунь У-кун. — Вы заставили меня достать пилюлю бессмертия, и все равно ничего не помогает. Что же, вы теперь убьете меня?

— Да как это не помогает! — возразил Трипитака. — Разве может труп проглотить воду? Конечно, на него воздействовала божественная сила пилюли бессмертия. А раз в желудке слышны звуки, то и кровь должна пульсировать. Только вот дыхание никак не может вернуться к нему. Но это не удивительно! Ведь он три года находился в колодце, здесь не то что человек,

железо и то заржавеет. У императора иссяк жизненный дух. И надо, чтобы кто-нибудь вдохнул в него этот дух, тогда все будет в порядке.

Не успел он сказать это, как Чжу Ба-цзе подошел к императору. Однако Трипитака остановил его.

— У тебя ничего не получится! Пусть это сделает Сунь У-кун!

Дело в том, что Чжу Ба-цзе с молодых лет губил людей, ел человеческое мясо и творил всякие недобрые дела. Поэтому дыхание его было нечистым. А Сунь У-кун с детства занимался физическим и нравственным совершенствованием и питался кедровыми и сосновыми орехами и персиками.

Выполняя волю Трипитаки, Великий Мудрец подошел к бездыханному телу императора, приблизил свое лицо, которое напоминало лицо Бога грома, к его губам и с силой вдохнул в него воздух, который прошел через горло, проник в верхний желудок, затем в средний и, наконец, дошел до пупка. Достигнув ступни, струя воздуха повернула и проникла в мозг. Послышался резкий звук, и жизненная энергия вернулась к императору. Он перевернулся, подвигал руками, поджал ноги и, опустившись перед Трипитакой на колени, воскликнул:

— Учитель! Я помню, что вчера ночью моя душа навестила вас, но разве мог я думать, что сегодня на рассвете уже вернусь к жизни?

Трипитака поспешил поднять императора и взволнованно произнес:

— Ваше величество, я тут ни при чем. Благодарите моего ученика.

— Зачем вы так говорите, учитель? — запротестовал улыбаясь Сунь У-кун. — Ведь не даром говорится, что «в доме не может быть двух хозяев». Я ничуть не пострадаю, если поклоны примете вы.

Тем не менее Трипитака ощущал неловкость. Он помог императору подняться с колен и ввел его в зал Созерцания. Здесь, прежде чем усадить его, он заставил Чжу Ба-цзе, Сунь У-куна и Ша-сэна воздать императору соответствующие почести. В это время пришли монахи, которые уже приготовили утреннюю трапезу и принесли поесть своим гостям. Увидев императора в мокрой одежде, они не на шутку перепугались и стали шептаться. Тут Сунь У-кун выскочил вперед.

— Ну вот что, монахи! — крикнул он. — Отбросьте всякие страхи и подозрения! Перед вами правитель страны Уцзиго, ваш подлинный господин. Три года назад его погубил волшебник, и вот сегодня ночью я вернул ему жизнь. Сейчас мы отправляемся в город, чтобы уничтожить зло и восстановить справедливость. Если у вас есть какая-нибудь еда, несите все нам. Мы подкрепимся и тронемся в путь.

Монахи поспешили подать горячей воды для умывания и принесли одежду. Император снял с себя свой пурпурный халат и надел два простых халата, которые ему принесли монахи. Затем он снял яшмовый пояс и подвязался поясом из желтого шелка. Свои башмаки он заменил на старые монашеские туфли. После трапезы привели оседланного коня.

— Чжу Ба-цзе, сколько весит твой багаж? — спросил Сунь У-кун.

— Дорогой брат, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Хотя этот багаж я несу изо дня в день, однако сколько он весит, до сих пор не знаю.

— Ну так вот что, — продолжал Сунь У-кун. — Раздели его на две части: одну понесешь сам, а другую отдашь императору, — пусть несет. Так мы скорее доберемся до города.

— Вот счастье привалило! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — Сколько сил я потратил, пока тащил императора сюда. А теперь он хоть на время меня заменит.

Но и тут Чжу Ба-цзе не мог обойтись без жульничества. Он разделил багаж на две неравные части, попросил монахов принести еще одно коромысло, более легкую часть багажа оставил себе, а тяжелую — отдал императору.

— Простите, ваше величество, — сказал Сунь У-кун, — что мы нарядили вас в это грубое платье, да еще заставляем нести тяжесть.

— Учитель! — отвечал император, поспешно опускаясь на колени. — Вы вернули мне жизнь и теперь для меня все равно что отец родной. Я не только готов нести эти вещи, но охотно буду прислуживать вам всю свою жизнь, стану вашим слугой, конюхом, готов даже сопровождать вас в Индию.

— Ну, этого вовсе не следует делать, — произнес в ответ Сунь У-кун. — Мы идем в Индию потому, что нам предназначено это самой судьбой. Вам же придется нести багаж всего сорок ли. А когда мы придем в город и расправимся с волшебником, вы займете свой императорский трон, а мы отправимся своей дорогой.

— Как же так? — протестовал Чжу Ба-цзе. — Выходит, он пронесет вещи всего сорок ли, а дальше опять я буду тащить их?

— Хватит болтать ерунду, — рассердился Сунь У-кун. — Иди лучше вперед и указывай дорогу.

Чжу Ба-цзе беспрекословно повиновался. За ним последовал император. Ша-сэн помог Трипитаке сесть на коня, которого вел под уздцы. Позади всех шел Сунь У-кун. Заиграла музыка, пятьсот монахов, выстроившись рядами, вышли за ворота проводить гостей.

— Не провожайте нас, — сказал Сунь У-кун. — Если наша тайна будет раскрыта, дело может

принять плохой оборот. Возвращайтесь лучше в монастырь. Платье императора, его головной убор и пояс приведите в порядок, почистите и сегодня вечером или завтра утром пришлите в город. А я уж чем-нибудь отблагодарю вас.

Монахи так и сделали, а Сунь У-кун пустился догонять учителя.

На Западе тайна, в которой

Нам истину надо найти:

Родители жили, стараясь

Путем совершенства идти.

И мать беспокоилась тщетно

О том знаменательном сне,

Сын видел свою бесполезность,

Лежал император на дне.

Поднять бы его из колодца,

Потом в небесах побывать

У Лао-цзы в тайном покое

Материю, форму познать;

Поистине стать человеком,

Который достигнет высот,

Который в буддизме спасенье

И путь совершенства найдет.

Учитель и его ученики шли довольно долго и наконец увидели город.

— Сунь У-кун, — сказал Трипитака, — перед нами столица страны Уцзиго.

— Вы правы, учитель, — подтвердил Сунь У-кун. — Пойдемте быстрее, у нас еще много дел впереди.

Они вошли в город. Там было красиво и чисто. На улицах царило оживление. Повсюду радовали глаз великолепные дворцы и прекрасные строения. Об этой стране сложены даже стихи:

Дворцы и пагоды за морем
Такие ж точно, как в Китае.
Народ поет, как пел при Танах,
И пляшет, весело играя.
Цветы колеблются под ветром,
Окутанные дымкой алой,
Упало солнце на халаты,
На пестром шелке залетало.
На ширмах вышиты павлины,
Оттуда тянет ароматом,
Жемчужный занавес откинут
И флагом кажется крылатым.
Картины мира и покоя
Заслуживают поздравленья;
Молчат сановники у трона —
Нет повода для донесенья.

— Ученики мои, — молвил Трипитака, слезая с коня. — Мы должны явиться ко двору и получить разрешение на выезд. Не то нас могут задержать власти.

— Вы совершенно правы, — согласился Сунь У-кун. — Давайте пойдем все вместе. Чем больше народу, тем легче разговаривать.

— Ладно, — сказал Трипитака. — Только смотрите ведите себя вежливо. Прежде всего необходимо совершить поклоны и уж потом начинать разговор.

— Приветствуя государя, следует совершать земные поклоны, — сказал Сунь У-кун.

— Правильно, — подтвердил Трипитака, — следует совершить пять земных и три поясных поклона.

— Беда с вами, учитель, ничего вы не знаете, — сказал Сунь У-кун. — Ведь если мы станем совершать поклоны, то покажем себя настоящими невежами. Разрешите, я войду первым. Я знаю, как себя вести. Если они заговорят, отвечать уж разрешите мне. Когда я буду совершать

поклоны, — вы тоже кланяйтесь, если я присяду на корточки, делайте то же самое.

И вот Царь обезьян, из-за которого всегда случались неприятности, подошел вместе со всеми к дворцовым воротам и обратился к начальнику стражи:

— Мы — посланцы его величества императора великих Танов, — сказал он, — и путь держим в Индию, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Сейчас мы явились сюда в надежде получить разрешение на выезд. Очень просим, господин начальник, оказать нам милость и доложить о нас.

Выслушав его, начальник стражи тотчас же отправился в парадную приемную и, склонившись перед троном, доложил:

— У ворот дворца сидят пятеро монахов. Они говорят, что идут по велению китайского императора великих Танов в Индию поклониться Будде и попросить у него священные книги. Сейчас они явились сюда, чтобы получить разрешение на выезд. Однако они не осмелились войти сразу и ждут ваших указаний.

Правитель-волшебник приказал ввести их. Танский монах со своими учениками вошел во дворец. Вместе с ними шел и вернувшийся к жизни император. Грусть не покидала его и по щекам безудержно текли слезы.

«Какое горе!—думал он. — Кто мог подумать, что мои неприступные владения, обнесенные железными стенами, будут так вероломно захвачены?»

— Не надо отчаиваться, ваше величество, — стал утешать его Сунь У-кун. — Не то кто-нибудь заметит и разгадает нашу тайну. Посох, который находится у меня в ухе, чем-то обеспокоен. Сегодня он, несомненно, покажет себя и покончит с этим волшебником. Скоро вы снова станете править своими владениями.

Император не посмел послушаться, утер краем одежды слезы и решительно пошел за остальными прямо в зал для приемов.

Там они увидели военных и гражданских сановников, выстроившихся в два ряда, и множество придворных. У всех был строгий и торжественный вид и величественная осанка. Сунь У-кун подвел Танского монаха прямо к трону и остановился неподвижно. Сановники пришли в ужас от такого поведения.

— Этот монах груб и невежествен! — говорили они между собой. — Как смеет он не воздать почести нашему государю? Что за бесцеремонность!

— Откуда явился этот монах? — раздался тут голос мнимого государя.

— Мы идем из Китая, из страны Наньшаньбучжоу, — с достоинством отвечал Сунь У-кун. — По повелению нашего императора мы должны пройти в храм Раскатов грома в Индии, поклониться Будде и попросить у него священные книги. Но, прибыв сюда, мы не осмелились следовать дальше без разрешения. Вот зачем мы и явились к вам.

— Что же из того, что вы прибыли из Китая! — выслушав его, рассерженно сказал государь. — Я не вассал вашего императора и никаких связей с ним не поддерживаю. Как же вы осмелились не воздать полагающиеся мне почести?

— Наша страна управляется династией, поставленной кебом, и издавна известна, как первое государство в мире. Ваше же государство второразрядное и окраинное. Еще в древности говорили: «Император Китая является отцом и господином, государь же второстепенной страны — его подчиненный и сын». А вы не только не встретили нас как следует, а еще требуете, чтобы я совершал перед вами поклоны?

Услышав это, волшебник-государь рассвирепел.

— Уберите этого монаха! — крикнул он.

В тот же миг все придворные бросились на Сунь У-куна. Но Сунь У-кун выбросил вперед руку и крикнул:

— Ни с места!

Этим магическим жестом Сунь У-кун мог любого человека пригвоздить к месту. И поистине все, кто был в зале, превратились в деревянных или глиняных истуканов.

Увидев, что ни один из придворных не может двинуться с места, волшебник вскочил, спрыгнул с трона и бросился к Сунь У-куну, пытаясь задержать его.

«Чудесно! — подумал Сунь У-кун. — Все идет так, как я и хотел. На этот раз будь у тебя хоть чугунная башка, я проломлю ее своим посохом».

И только было он собрался осуществить свою угрозу, как появился невольный спаситель волшебника. И кто бы, вы думали, это был? Некто иной, как наследник императора страны Уцзиго. Схватив государя-волшебника за полу его одеяния, он опустился перед ним на колени и сказал:

— Государь-отец, не гневайтесь.

— Что ты хочешь сказать, сын мой? — спросил волшебник.

— Разрешите доложить вам, государь-отец, — отвечал принц. — Еще три года назад я слышал, что по повелению Танского императора из Китая в Индию отправлен один дочтенный монах, который должен поклониться Будде и испросить у него священные книги. Сейчас он здесь. Государь-отец, вы снискали себе уважение и славу. Но, если вы прикажете казнить этих монахов, боюсь, как бы не вышло неприятности. Когда слухи об этом дойдут до Танского императора, он, несомненно, разгневается. Подумайте сами: став императором, Ли Ши-минь * объединил всю страну, однако на этом не успокоился и предпринимает военные походы даже за море. Если он узнает о том, что вы, государь, казнили священного монаха, его побратима, он, несомненно, пойдет на вас войной. Что вы тогда станете делать? Войска у вас мало, полководцы слабы. Вы раскаетесь, но будет поздно. Государь-отец мой! Умоляю вас, послушайте моего совета, пусть эти монахи расскажут вам свою историю, узнайте, почему они не поклонились вам, а потом будете их наказывать.

Дело в том, что наследник опасался, как бы не нанести вред Танскому монаху, и решил оттянуть время, даже не подозревая, что Сунь У-кун собрался покончить с волшебником сейчас же. А волшебник внял словам принца и крикнул:

— Эй вы, монахи, давно вы из Китая? И для чего Танский император послал вас за священными книгами?

— Наш учитель — побратим самого Танского императора, — с гордостью отвечал Сунь У-кун, — прозвище его Трипитака. Первый министр Танского императора, Вэй-чжэн, выполняя волю неба, должен был во сне казнить дракона реки Цзинхэ. Танский император во сне посетил Царство смерти и, вернувшись на землю, устроил торжественное моление о невинно загубленных, неприкаянных душах. Наш учитель — великолепный знаток священного писания, славится своими добрыми делами, вот он и получил приказ бодисатвы Гуаньинь отправиться на Запад. Наш учитель — человек высоких устремлений, глубокого душевного благородства и красоты, он до конца предан своей стране, поэтому Танский император и обратил на него свой благосклонный взор. Все это происходило в третий день до полной луны девятого месяца, в тринадцатый год правления Чжэнь-гуань Танской династии. Покинув Китай, он достиг горы Усиншань, там повстречался со мной и сделал меня своим старшим учеником. Имя мое — Сунь У-кун. Когда мы с учителем дошли до селения Лао-гаочжуан в государстве Усыго, он взял себе второго ученика по имени Чжу Ба-цзе. А у реки Сыпучих песков — третьего ученика по имени Ша-сэн. И вот несколько дней назад, в выстроенном по повелению императора монастыре Баолинь, мы приняли еще одного ученика-послушника, специально для переноски вещей.

Выслушав все это, мнимый правитель не осмелился обыскивать Танского монаха и, зло глядя на Сунь У-куна, стал задавать ему всякие каверзные вопросы:

— Итак, вначале Танский монах отправился в путь один. Затем он принял трех учеников. Они не вызывают у меня подозрений. Что же касается четвертого, то в нем я не уверен. Его, несомненно, похитили. Как его зовут? И есть ли у него монашеское свидетельство? Ну-ка, пусть подойдет сюда и расскажет.

Услышав это, настоящий правитель страны Уцзиго задрожал от страха.

— Что же я буду говорить?

— Не бойтесь, — шепнул ему Сунь У-кун. — Я буду отвечать вместо вас.

После этого наш прекрасный Великий Мудрец уверенно выступил вперед и, обращаясь к волшебнику, громко сказал:

— Ваше величество, этот даос глух и нем. Однако в молодости он бывал в Индии и знает туда дорогу. Я знаю всю жизнь и прошу ваше величество милостиво разрешить мне асказать все вместо него.

Что же, — согласился император, — говори, но только всю правду, не то я накажу тебя по заслугам.

И Сунь У-кун начал рассказывать:

Послушник на допросе был

И дряхл, и нем, и глух;

Он достоянье потерял,

И разум свой, и слух.

Он родом был из этих мест;

Случился недород:

Такая засуха была,

Что погибал народ.

Наложен был великий пост

На бедную страну:

Никто руки не простирал

Ни к мясу, ни к вину;

Курили люди фимиами,

Молились о дожде,

Но не было на сотни ли

Ни облачка нигде.

И вдруг тогда с горы Чжуншань

Спустился чародей,
Он увидал, что вся страна
Томится без дождей.
И вызвал ветер он и дождь,
Послушника ж столкнул
На дно колодца, чтобы тот,
Несчастный, утонул.
На императорский престол
Взошел тот чародей,
И сходством с государем смог
Он обмануть людей.
Но хорошо, что я пришел:
Послушник рождён,
Теперь с учителем моим
Пойдет на Запад он.
И послушания обет
Учителю принес;
Он — настоящий государь,
Волшебник же — даос.

Выдававший себя за правителя волшебник до того был напуган, услышав эти слова, что сердце его затрепетало, словно сердце попавшего в беду олененка. Он покраснел, резко повернулся и хотел бежать, так как при нем не было никакого оружия. Начальник дворцовой охраны, у которого на поясе висел меч, под действием чар Сунь У-куна, стоял на месте как вкопанный. Подскочив к нему, волшебник выхватил у него меч и, взмыв на облако, унесся ввысь.

Увидев это, Ша-сэн был взбешен, а Чжу Ба-цзе начал громко бранить Сунь У-куна.

— Что же ты тут разглагольствовал? — кричал он. — Надо было схватить его, и все. А теперь где его искать?

— Что без толку кричать, братья мои, — успокаивал их Сунь У-КУН. — Пусть лучше наследник поклонится отцу, а супруга — своему мужу.

Сказав это, Сунь У-кун произнес заклинание и снял чары со всех придворных.

— Пусть все воздадут должные почести своему настоящему повелителю. Расскажите им, что произошло. А я отправлюсь на поиски волшебника.

— Смотрите, хорошенько охраняйте государя, государыню, наследника и нашего учителя! — наказывал он Чжу Ба-цзе и Ша-сэну. В этот момент он сам уже исчез и был слышен лишь его голос.

Сунь У-кун взвился на девятое небо и стал внимательно оглядываться вокруг. Вдруг он заметил волшебника, который бежал на северо-восток. Сунь У-кун вмиг нагнал его и крикнул:

— Эй ты, оборотень! Куда бежишь? Не видишь меня, что ли?

Волшебник тотчас же обернулся и, взмахнув мечом, крикнул:

— Какой ты дотошный, Сунь У-кун! Ведь я захватил не твой трон, какое же тебе дело до этого? С какой стати ты решил раскрыть мою тайну и выступить поборником справедливости?

— Сейчас я с тобой рассчитаюсь, мерзкое чудовище! — крикнул, расхохотавшись в ответ, Сунь У-кун. — Неужели ты думаешь, я допущу, чтобы ты снова стал правителем? Ты ведь сразу узнал меня и должен был немедленно исчезнуть. Для чего же тебе понадобилось допрашивать учителя? Вот за это я и угощу тебя моим посохом!

Однако волшебнику удалось избежать удара. Он взмахнул мечом и ринулся на противника. Между ними завязался ожесточенный бой.

Царь обезьян в сражение был свиреп,

И царь-волшебник также был силен —

Друг друга меч и посох отражали.

Закрыв три мира, опустилась мгла:

Чтоб государя возвести на трон,

Противники сражение продолжали.

После нескольких схваток волшебник понял, что ему не устоять против Царя обезьян, и стремительно бросился назад. Он вбежал во дворец, подбежал к яшмовому трону и смешался с толпой сановников. Затем, встряхнувшись всем телом, он превратился в точную копию Трипитаки и, сложив руки, встал перед троном. Ворвавшийся вслед за ним Великий Мудрец, взмахнув посохом, хотел было нанести удар, но мнимый Трипитака сказал ему:

— Ученик мой, остановись! Ведь это же я!

Тут Сунь У-кун бросился с посохом на Танского монаха, но снова услышал:

— Ученик мой, остановись! Ведь это же я!

Таким образом перед Сунь У-куном оказалось два Танских монаха, и он не знал теперь, что делать.

«Если я убью оборотня, — размышлял он, — это будет моей заслугой, но вдруг я прикончу учителя?»

Он остановился и, обращаясь к Чжу Ба-цзе и Ша-сэну, спросил:

— Кто же из них оборотень и кто учитель? Покажите мне, чтобы я мог действовать!

— Мы следили за тем, как ты сражался с ним в воздухе, — сказал на это Чжу Ба-цзе, — а потом совершенно неожиданно увидели перед собой двух учителей и сейчас сами не знаем, кто из них настоящий.

Услышав это, Сунь У-кун произнес заклинание и вызвал духов — хранителей учения Будды, духов Лю-дина и Лю-цзя, стражей — хранителей пяти стран света, бога времени, восемнадцать архатов и местных духов — хранителей гор и земли.

— Я прибыл сюда для того, чтобы уничтожить волшебника, — сказал, обращаясь к ним, Сунь У-кун. — Однако волшебник принял вид нашего учителя, и теперь я не могу распознать, кто из них настоящий, а кто самозванец. Вы тихонько скажите мне об этом и проводите учителя во дворец, а я тем временем расправлюсь с волшебником.

Между тем волшебник, обладавший способностью передвигаться на облаках и туманах, услышав, что говорит Сунь У-кун, совершил прыжок и очутился вверху над залом Золотых колокольчиков. Сунь У-кун взмахнул своим посохом и чуть было не опустил его на голову Танского монаха. Если бы в этот момент духи, которых вызвал Сунь У-кун, не удержали его, от Танского монаха осталось бы мокрое место. Да что монах! Было бы здесь двадцать человек, и они превратились бы в кровавое месиво.

— Великий Мудрец, — молвили духи. — Волшебник обла дает способностью передвигаться на облаках: взгляните, он уже над залом Золотых колокольчиков.

Сунь У-кун тотчас же ринулся за ним, но волшебник бросился вниз, схватил Танского монаха, смешался с толпой — и снова двойников нельзя было распознать. Сунь У-кун даже приуныл. А Чжу Ба-цзе стоял в стороне и ехидно ухмылялся. Сунь У-кун рассвирепел.

— Чему ты радуешься, дубина? — крикнул он. — Ведь теперь у тебя два учителя и тебе придется служить обоим.

— Дорогой брат, — отвечал ему Чжу Ба-цзе. — Ты вот зовешь меня Дурнем, а сам еще глупее меня. Зачем тратить столько сил? Если можешь потерпеть немного, скажи учителю, чтобы произнес известное ему заклинание, а мы с Ша-сэном будем слушать. Тот из них, кто не сможет читать заклинание, и будет волшебник. Видишь, как просто?

— Ну, брат, спасибо, — обрадовался Сунь У-кун — Ведь это заклинание знают только трое: Будда, бодисатва Гуаньинь и наш учитель. Что же, учитель, читайте заклинание.

И Танский монах стал читать. Волшебник же бормотал что-то невнятное.

— Тот, что бормочет, и есть волшебник! — воскликнул Чжу Ба-цзе и взмахнул вилами.

Однако волшебник совершил прыжок в воздух и на облаке умчался прочь.

Чжу Ба-цзе вскрикнул и тоже на облаке помчался за ним. Ша-сэн растерялся, оставил Танского монаха и, схватив посох, последовал за своим братом. Тогда Трипитака прекратил читать заклинание, и Великий Мудрец, преодолевая головную боль, с посохом в руках ринулся в воздух. И тут разыгрался бой! Трое разъяренных монахов окружили злого волшебника. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, один — с граблями, другой — с посохом, наседали на него с двух сторон.

«Если я нападу на волшебника спереди, он испугается и сбежит, — подумал улыбаясь Сунь У-кун. — Поднимусь-ка я еще выше и трахну его по макушке. Он сразу кончится».

В тот же миг наш Великий Мудрец на радужном луче поднялся на девятое небо. Но только он собрался действовать, как из радужного облака, находящегося на северо-востоке, прогремел голос:

— Сунь У-кун! Остановись!

Сунь У-кун оглянулся и увидел перед собой Манджутру бодисатву. Он тотчас же опустил посох и, приветствуя божество, спросил:

— Куда путь держите?

— Я прибыл сюда для того, чтобы помочь тебе расправиться с волшебником, — отвечал бодисатва.

— Простите, что доставил вам хлопоты, — стал извиняться Сунь У-кун.

А бодисатва тем временем вытащил из рукава зеркало, обладающее свойством вылавливать духов и оборотней, и навел его на волшебника. Тут Сунь У-кун подозвал Чжу Ба-цзе и Ша-сэна и представил их бодисатве. В зеркале они увидели отражение волшебника, вид которого был поистине ужасен:

Голова, как плавильный котел,

Тело зверя, как индиго, сине;

Как стеклянные чашки — глаза,

Лапы ярко белели, как иней.

Подметал его хвост, как метла,

И тяжелые уши свисали;

Грозно дыбилась синяя шерсть,

Взоры красный огонь излучали.

Словно копий стальных острия,

Подымалась упорно щетина,

Яшмой плоских и редких зубов

Изукрашена пасть исполина.

В ясном зеркале был отражен

Шили-ван — лев, носитель Манджутры:

Бодисатва на нем восседал,

Бодисатва великий и мудрый.

— Премудрый бодисатва, — сказал тут Сунь У-кун. — Это тот самый лев с синей шерстью, на котором вы ездили. Но почему вы позволили ему убежать и превратиться в волшебника? Надо было усмирить его.

— Никуда он не убегал, — отвечал бодисатва. — Он выполнял волю Будды.

— Как же так? — удивился Сунь У-кун. — Существо, превратившееся в оборотня и захватившее трон, оказывается выполняло волю Будды?! Сколько же препятствий я должен преодолеть и сколько страданий вынести на этом тернистом пути?

— Ты многого не знаешь, — молвил бодисатва. — Правитель страны Уцзиги постоянно совершал добрые дела и помогал монахам. Вот Будда и поручил мне перевести его в другой мир и возвести в сан золотого архата. Я не мог, конечно, явиться к нему в своем подлинном

виде и, превратившись в простого монаха, пришел к нему просить подаяния. Я сказал ему несколько слов, которые поставили его в затруднительное положение, а он, не зная, кто я такой, приказал связать меня и бросить в реку в императорском саду. Я пробыл в воде три дня и три ночи и лишь благодаря духу Лю-цзя был спасен. Когда же я рассказал Будде о том, что со мной произошло, Будда послал сюда этого волшебника, приказал ему столкнуть императора в колодец и продержать его там в течение трех лет за то, что из-за него я пробыл в воде три дня. Так что все это было предопределено заранее. Ну, а вы сделали доброе дело.

— Ладно, предположим, что все это было предопределено заранее и правитель страны Уцзиго получил по заслугам, но ведь этот волшебник погубил уйму людей, — возразил Сунь У-кун.

— Никого он не погубил, — отвечал бодисатва. — Все время, пока он был здесь, стояла хорошая погода, шли благодатные дожди, и народ наслаждался миром и спокойствием.

— Пусть это так, — продолжал Сунь У-кун. — Но ведь он три года жил с женой императора, спал с ней. Он нарушил законы нравственности. Как же можно говорить, что он никому не нанес вреда?

— Он не осквернил ее, — возразил бодисатва. — Этот лев — кастрирован.

Услышав это, Чжу Ба-цзе подошел поближе и погладил волшебника.

— Не даром говорится: «Кто с красным носом, — не пьет вина».

— Ну, раз дело обстоит так, мы пойдем своей дорогой, — сказал Сунь У-кун. — Хорошо, что вы явились сюда, иначе я расправился бы с этим волшебником.

В этот момент бодисатва произнес заклинание и крикнул:

— Оборотень! Почему ты не становишься на истинный путь, чего ждешь?!

Тут волшебник принял свой прежний вид, и бодисатва надел на него лотосовый намордник. Простившись с Сунь У-куном, бодисатва сел на льва и на золотом луче взвился ввысь. Долетев до горы Утайшань, он опустился около драгоценного трона и стал слушать священные сутры.

Если вам интересно узнать, как Танский монах со своими учениками покинул страну Уцзиго, вы должны прочитать следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287371>